

Клуб рассказчиков

Трахимёнку – 65.

Сергей Александрович Трахимёнок, родился 7 февраля 1950 года в городе Карасук, Новосибирской области. В 1977 году окончил Свердловский юридический институт. С 1990 года живет в городе Минске. Доктор юридических наук, профессор. Член союзов писателей России и Беларуси. Признанный мастер остросюжетной прозы.

Автор тридцати книг, выходивших в издательствах Минска, Москвы и Санкт-Петербурга. Четырнадцать кино и видеофильмов, снятых по его сценариям.

Обладатель «Золотого купидона» – национальной литературной премии 2008 года за роман «Синдром выгорания» (Беларусь)

Лауреат литературной премии Уральского федерального округа 2012 года за роман «Чаша Петри или русская цивилизация: генезис и проблемы выживания» (Россия)

Дипломант национального кинофестиваля в Бресте (Беларусь-2007) и «Борисинская осень» (Россия-2008) за сценарий фильма «Чуть смелее других». Фестиваля спортивных фильмов в Липецке (Россия -2012) за сценарий фильма «Терновые венки Олимпа».

Сергей ТРАХИМЁНОК

ЗЕМЛЯКИ-СИБИРЯКИ

Мы познакомились на пляже курортного поселка у подножья знаменитой Медведь-горы (Аюдаг).

Пляж не был санаторным, а принадлежал поссовету, а потому не имел присущего лечебным лоскам и, по черноморским меркам, был очень мал. В пространстве между двумя бетонными волнорезами он с трудом вмещал сотню неорганизованных отдыхающих.

Неорганизованные боролись за место под солнцем, поднимаясь ни свет ни заря, чтобы застолбить прокатным лежаком небольшой участок на гальке. Случайно мой лежак оказался рядом с топчаном высокого мужчины, чем-то похожего на Спартака, точнее, на Кирка Дугласа, когда-то сыгравшего эту роль в кино.

Мужчина был достопримечательностью пляжа. Он выделялся среди всех великолепным трехнедельным крымским загаром и еще более великолепной фигурой легкоатлета десятиборца с сухими рельефными мышцами. В фигуре этой было редкое сочетание мощи и изящества.

Когда мужчина шел по пляжу или выходил из воды, за ним, как подсолнухи вслед за солнцем, поворачивали свои широкополые шляпки все дамы нашей галечной косы.

Но мужчина ни на кого не обращал внимания, и я был удивлен, когда он спросил меня:

– Сибиряк?

В голосе его мне послышался нездоровый интерес. Так спрашивают о редкой болезни или тайном пороке, и я чуть было не ляпнул глупую остроту о каторжном клейме, которым помечены сибиряки, но в последний момент сдержался и ответил коротко, чтобы не продолжать разговор.

– Да.

Мужчина, видя мою ершистость, улыбнулся, и к дугласовской ямочке на подбородке прибавились еще две ямочки на щеках.

– Не сердитесь, – сказал он, – любопытство мое от ностальгии... Я родился и вырос в Новосибирской области... служил на Дальнем Востоке...

Познакомились. Соседа моего звали Виктором. В Крым он приехал из Липецка.

Через час мы были с ним уже на «ты», а к вечеру того же дня я знал о нем больше, чем он обо мне. Объяснялось это тем, что говорил в основном он и говорил о прошлой своей жизни. Выходило так: лучшие годы он провел в Сибири, лучшие люди – тоже в Сибири, и так далее.

Я посмеивался над ним, со многими

его доводами был не согласен, но он не обращал на это внимания.

– Вот брошу Липецк и уеду в Сибирь, – мечтательно говорил Виктор, – там жизнь...

Он приехал в Крым с женой и дочкой, но тем не понравился неорганизованный отдых, и они улетели к теще, а зять остался погреться на солнце еще недельку.

Три дня мы вместе купались, загорали, ходили обедать в летнее кафе рядом с пляжем. На четвертый день он пришел поздно, когда все места на пряхе были уже заняты.

– Улетаю сегодня, – сказал он. – Я разденусь у тебя?

– Конечно, – ответил я, – а почему так спешно?

– Дела, – произнес он неопределенно и пошел в море.

Искупавшись, вернулся ко мне и уселся на лежак. Помолчали. Он достал часы, взглянул на циферблат:

– Пожалуй, успею еще раз искупаться.

– Разумеется, – ответил я, хотя не знал, сколько времени у него в запасе, – все хотел тебя спросить: как ты определил, что я сибиряк?

Виктор самодовольно усмехнулся:

– У меня дар ясновидения. Это мне в работе знаешь как помогает? Приходит ко мне, скажем, малец лет семи-восьми и лопочет, мол, хочет заниматься легкой атлетикой... А у самого ручки веревочки, ножки-камышинки, от сверстников в развитии отстают... И данных у него нет, и наследственность ни то ни се, а я вижу – из парня будет толк. Вижу, что работать он будет не в пример развитым одногодкам, и компенсирует отставание, и вперед уйдет, и к пятнадцати годам не сменяет легкую на дискотеки и прочие молодежные развлечения... Вот так...

Я и профессию себе выбрал потому, что в себе этот дар открыл. Дар ясновидца... Это тоже, кстати сказать, в Сибири было... в Новосибирске...

– Ну про Сибирь потом, – перебил я его. – Ты мне скажи, как ты узнал, что я оттуда.

Он снова усмехнулся и ответил:

– По загару было видно, что ты приехал только-только. На пляж пришел в начале седьмого, а выглядел как огурчик... Значит, ты приехал или прилетел оттуда, где трех-четырех-часовая разница во времени. Уловил? Во-вторых, загар у тебя был не бронзовый, как в Крыму, а наш, сибирский – красновато-черный.

Ну и в-третьих. Ты на отдых приехал,

а на пляж ходишь, как на работу, – собранный, деловой. Не умеешь раскрепощаться, не умеешь отдыхать. Это тоже нам, сибирякам, свойственно. Понял?

– Да, – покачал я головой, – тебе психологом надо работать, а не тренером.

– Одно другому не мешает, – и опять начал говорить о Сибири. – Пятнадцать лет назад после срочной жил я у родителей в поселке Чистоозерное Новосибирской области... Отдыхал... Сам знаешь, как по дембелю отдыхать: спал до обеда, по вечерам – на танцы, дискотек тогда не было, с девчонками гулял до утра. Не сморчок в стакане был – старшина первой статьи, общем, вел ту жизнь, о которой на флоте три года мечтал. Жил без забот. Правда, мыслишка одна тревожила, а что потом, что дальше? Но я ее гнал от себя. Авось на что-нибудь решусь. Учиться пойду или работать... Была бы шея...

Ну вот, сижу я как-то дома, и ко мне, как смерч, врывается тренер поселковой ДЮСШ Коля Братов, весь из себя деловой... Он старше меня года на три был, к тому времени физкультурный техникум закончил и уже пару лет отработал в школе.

Коля был местным пижоном. Роста он небольшого и, как большинство коротышек, старался выглядеть выше – носил туфли на огромных каблуках. Даже в жару не снимал светлый кримпленовый пиджак, полы которого по тогдашней моде были вечно расстегнуты и обнажали широкий, как лопата, красный галстук. Уже значительно позже, когда смотрел в записи матчи наших хоккеистов с профессионалами, понял я, одежду и манеры Коля позаимствовал у хоккейных тренеров – и наших, и канадских. Но тогда я этого не знал, и взрослый вид Братова поразил меня.

Братов начал без предисловий:

– Есть необходимость заткнуть дыру в эстафете четыре по сто и в шведке. Как? Не дисквалифицировался?

Я хотел объяснить ему, что на крейсере бегал другие дистанции, не такие прямые, и в основном от кубрика до боевого поста, но сдержался и сказал:

– Подумаю.

А надо сказать, что до армии я лично сотку бежал. Один раз за одиннадцать пролетел, – а это первый разряд... Жаль, результат не засчитали – ветер попутный был...

В тот же день я взял у Братова секундомер и вечером на стадионе пробежал сто метров раз, Другой... Чуть-чуть за

двенадцать вылез. Отяжелел на флотских макаронах, но Братов меня успокоил: мол, для команды этого достаточно, – и я решил ехать.

Братов вез в Новосибирск на взрослые соревнования бывших десятиклассников. Они только что выпустились, были чрезмерно самостоятельны и даже нахальны, на меня посматривали, как на что-то доисторическое.

Перед поездкой Братов проинструктировал: я не должен звать его Колей, а только Николаем Панкратьевичем; не должен был вмешиваться в тренерскую работу и руководство командой.

– Ты едешь отдохнуть за казенный счет, – пояснил он, – я на тебя не ставлю.

Коля и на других своих воспитанников не ставил, кроме средневички Ольги Коротун. Ольга была звездой команды и надеждой Братова. Прошлым летом она выиграла первенство области среди старших школьников, а в этом году Коля хотел ее обкатать на взрослых соревнованиях. Хотя, правильней было бы сказать, не обкатать, а показать Ольгу.

Ольгу я знал, разумеется, насколько может знать восемнадцатилетний парень, уходящий в армию, девочку четырнадцати лет, живущую через три дома от него.

В детстве Ольга была, можно сказать, достопримечательностью нашего квартала. Правда, со знаком минус.

Родилась она в семье Федора Коротуна, составителя вагонов на железнодорожной станции, у которого долго не было детей, и вот, наконец, на стыке четвертого и пятого десятка, жена забеременела. Коротун, который был чуть старше своей супруги, от счастья ошалел и стал хвастаться соседям, что на старости лет Бог послал ему наследника. Соседи поспеивались и спрашивали в шутку:

– Почему такая уверенность? Уж не клал ли он кобуру под подушку?..

В общем, ошибся составитель, родилась девочка, но, видимо, старания Коротуна не пропали даром. У девочки был мальчишеский характер, а упрямства столько, что и на трех пацанов с лихвой хватало бы. Да и похожа она была на мальчишку: рыжая, курносая и с таким упрямым взглядом исподлобья, что от него хотелось глаза отвести.

В первом классе Оля умудрилась довести до слез молодую учительницу, выпускницу педучилища. Досконально я эту историю уже не помню. Помню только, что целая война шла в классе из-за места. Учительница рассадилась всех по

собственному усмотрению, но Ольга на перемене уселась там, где сама хотела, «переселив» довольно жестким образом мальчишку-одноклассника. После перемены появилась учительница и очень удивилась тому, что Ольга сидит на чужом месте, а одноклассник с красным ухом – на Ольгином. Справедливость тут же была восстановлена, но через перемену Ольга опять сидела на облюбованном месте. История эта повторилась еще несколько раз, пока отчаявшаяся учительница не пошла на крайнюю для первоклашек меру – пригласила в школу родителей.

После беседы с учительницей старый Коротун – стыдно говорить – взялся за ремень и, говорят, с чувством отходил «наследника». Об этом знал весь квартал, так как во время экзекуции из дома Коротунов раздавался плач и даже крик. Это плакала мать, а дочь не проронила ни слезинки.

Вот такая была девчонка.

И уж если она что-то задумала, то не было такой преграды, которая могла бы ее остановить.

Еще дошкольницей она любила самостоятельно хозяйничать в доме. Благо родители железнодорожники и работали в одну смену, так что никто ей не мешал делать то, что вздумалось.

В отсутствие родителей от соседей по дому только и слышалось:

– Оля! Ты зачем собираешь щепки? Оля! Ты зачем тащишь уголь?

– Зачем, зачем, – отвечала Ольга, как некрасовский мужичок-с-ноготок, – печку топить.

– Оля, прекрати, – волновались соседки, но та их не слушала и продолжала волоком волоочь в дом ведро с углем.

Через четверть часа соседки замечали дымок над трубой – Оля топила печь, а они по очереди забегали в дом Коротуна приглядеть, чтобы ребенок не сгорел, да, избави Бог, огонь не перекинулся на их избы.

Такой я ее знал. Но на вокзале увидел совершенно иную девушку. Удивительно, как я мог не заметить ее раньше, наверное, спал долго. Она выросла, оформилась, и от той девчонки остался только курносый нос...

В Новосибирске нас как самую малочисленную команду разместили в гостинице при стадионе.

Гостиница как гостиница. Комнаты на двоих, кровати деревянные. Только в номерах окон не было и потолок скошенный – гостиница под трибунами

располагалась. Здесь же, шокируя наших школьников развязными манерами и джинсовым облачением, проводила сборы местная футбольная команда. Их тренер пытался держать футболистов в ежовых рукавицах: он лично «отбивал» команду, лично приходил на подъем, а по вечерам, собираясь домой, строго наказывал администраторшам, молодым женщинам, докладывать ему обо всех случаях нарушения режима, особенно о самовольных отлучках после отбоя. Питомцы знали о поставленных администраторшам задачах и откупались шоколадками. И если бы тот тренер обладал таким даром ясновидения, как у меня, он смог бы точно вычислить, сколько его воспитанников отсутствовало ночью, – стоило лишь посчитать шоколадки, которые по утрам администраторши перекладывали из холодильника в сумочку...

Ну я отвлекся. На том стадионе была прекрасная тартановая дорожка, она с результата на сто метров добрых две десятки сбрасывала. Я бегал там до армии, помню. Но, наверное, я действительно отяжелел и потерял былую резвость – не помогла мне дорожка, как и в поселке, пробежал я за одиннадцать и девять... В тот же день был забег на полторы тысячи метров, и звезда нашей команды не вошла даже в десятку лучших.

Братов вышел из себя. Он накричал на Ольгу, наговорил ей, что не будет с ней работать, что ей не стоило приезжать в Новосибирск, что она – бездарь, что... В общем, наговорил он ей много чепухи, которую в случае провала говорят не столько тренеры, сколько плохие режиссеры.

Видимо, всем этим Братов пытался как-то вызвать в Ольге спортивную злость, но он ошибся. Он не знал Ольгу так, как знал ее я. Она не оправдывалась, ни слова не сказала, а только исподлобья, как когда-то в детстве на учительницу, посмотрела на Братова, и тут я понял: звезда наша закатилась... Да и, если честно говорить, я не верил в то, что Ольга сможет стать хотя бы призером. Упрямства в ней было много, но на нем одном далеко не уедешь... Коле бы с ней над техникой поработать, да и с тактикой бега на средние дистанции ознакомить не мешало бы, но тренер был такой же упрямый, как и Ольга, и видел во всем лишь ее нежелание работать. После воспитательной беседы с лидером Коля под горячую руку отругал всю команду и исчез, предоставив школьникам делать все, что вздумается... И

они, воспользовавшись этим, группками разбрелись по городу.

Я повалился в номере и тоже пошел в город. В коридоре гостиницы встретил Ольгу, ершистую и настороженную, как ёжик в опасности. Не знаю, что меня дернуло, но я уверенно, как взрослый человек такому же взрослому, сказал:

– Перестань дуться, соседка. Пойдем в луна-парк, посмотрим, что это такое.

Ольга согласилась, и мы пошли к ДК Октябрьской революции, рядом с которым разместился луна-парк – площадка с аттракционами, Невиданными доселе в Сибири. В Новосибирске в то время только и было разговоров, как об этих аттракционах. Особенно много говорили о «страстях», которые ожидают желающих посетить Комнату неожиданностей.

В парке мы смотрели американские горки, выиграли в кегельбане два пластика жевательной Резинки, купили мороженое.

Я время от времени посматривал на Ольгу. Окружающее мало ее трогало, она по-прежнему была похожа на свернувшегося ежика: коснешься чуть – и в пальцы твоих рук вонзятся колючки.

– Пойдем в комнату неожиданностей, предложил я.

– А что это? – спросила Ольга.

– Черт его знает, там посмотрим.

И мы, взяв билеты, стали в конце длинной очереди новосибирцев, жаждущих попасть в комнату неожиданностей...

Хлоп – это в голову моего соседа попал большой оранжевый мяч, посланный нетвердой еще рукой пятилетнего малыша. Мяч тут же был возвращен владельцу, тот получил шлепок от родителей, а мой собеседник продолжил:

– В очереди мы стояли долго. Двигалась она медленно, и чем ближе мы подходили к пологу, за которым притаилась неожиданность, тем настороженнее становилась моя спутница. Таким образом, замысел мой как-то отвлечь ее от сегодняшнего проигрыша, снять напряжение провалился. Подошла наша очередь. Мы сели на двухместную тележку и с грохотом въехали во тьму комнаты. Тележка прошла под страшным пауком, мохнатые лапы которого едва не коснулись нас. Затем направилась прямо на открытый гроб, в котором в позе мыслителя сидел желтоватый скелет, но перед гробом свернула в сторону и понеслась дальше... Что там было еще из страстей земных и неземных, не помню, только в самом конце нашей дороги

Ольга чуть взвизгнула, чего я от нее не ожидал, и прижалась ко мне, видимо, что-то ее напугало... Через секунду мы выехали из тьмы. Светило солнце. Все страхи были позади, и я рассмеялся. Засмеялась и Ольга...

– Знаешь, – сказал я ей, – я тебя специально не предупредил: в этой комнате есть невидимая рука, – тех, кто боится, она либо за нос хватает, либо щелбана дает...

Ольга опять засмеялась и сказала, что ее эта рука погладила по голове и что она сначала испугалась, а потом перестала бояться...

Мы еще погуляли по парку и вернулись в гостиницу. Прощаясь, я пожал ей руку:

– Ты не огорчайся проигрышу, завтра у тебя все будет в порядке. Не даром же тебя рука погладила... Это счастливая рука.

Она со мной согласилась.

На следующий день ей предстояло бежать три тысячи. Коля Братов в воспитательных целях, наверное, не обращал на Ольгу внимания. И тогда я нарушил договоренность и стал сам готовить ее к забегу... Дали старт – Ольга побежала так же нескладно, как и вчера, но мощно и упрямо. Она бежала два круга первой, затем ее обошли две взрослые соперницы. Однако через круг Ольга опять вырвалась вперед, потом она снова отстала. Я смотрел на забег и хотел одного – чтобы Ольга сошла с дистанции, иначе более опытные, взрослые конкурентки доведут до того, что она о беге и думать забудет... Но случилось невероятное: на последней двухсотметровке Ольга ускорила и первой пришла к финишу...

Что творилось на стадионе после забега, трудно описать. Когда бегут взрослые, а среди них девчонка, разумеется, все болеют за нее... а земляки тем более. Когда Ольга первой пересекла линию финиша, вся поселковая братия вскочила и начала визжать, кричать и прыгать, даже Коля Братов забыл, что он тренер и руководитель, – скакал и визжал вместе

со всеми. Но больше всех, разумеется, успеху Ольги радовался я. Я орал ей с трибуны:

– Это счастливая рука... я же говорил... я же говорил!..

– Вот после этого я и решил стать тренером, – закончил мой собеседник, – поехал в Омск, поступил в инфиз, закончил, работал там же, да черт дернул перебраться в Европу. Нет, не подумайте, что я неудачник. У меня все хорошо... один из моих барьеристов стал призером первенства Союза... Вот так!..

Виктор замолчал, поднялся с лежака и снова пошел купаться. Когда он вернулся, я предложил:

– Провожу тебя до автобуса.

Он не стал возражать.

На автобусной остановке, когда водитель уже объявил в микрофон отправление, я спросил Виктора:

– А что с Ольгой-то стало? Ты не встречался с ней больше?

– Ну как же! Она в то же лето поступила в какой-то техникум... Почти без экзаменов, видимо, кто-то из тренеров видел, как она три тысячи выиграла. Правда, отучившись в техникуме, она бросила спорт... Сейчас живет в Новосибирске... замужем, двое детей.

– Автобус отправляется, – повторил водитель.

– Да, – добавил Виктор, став на первую ступеньку, чтобы шофер не закрыл дверь, – видел я ее года два назад... случайно. Был в Новосибирске на соревнованиях... Обрадовался, как мальчишка, а она – наоборот. Я ей говорю: «Ты помнишь луна-парк, комнату, счастливую руку? Эта рука и для меня стала счастливой. Я нашел себя...» А она отвечает: «Витя! Я думала, что это ты меня по голове погладил...» Вот так!..

Виктор поднялся на ступеньку выше, дверь мягко захлопнулась, и автобус, выбросив сиреневое облако выхлопных газов, тронулся, увозя от меня моего знакомого с великолепным крымским загаром, фигурой многоборца и даром ясновидения.